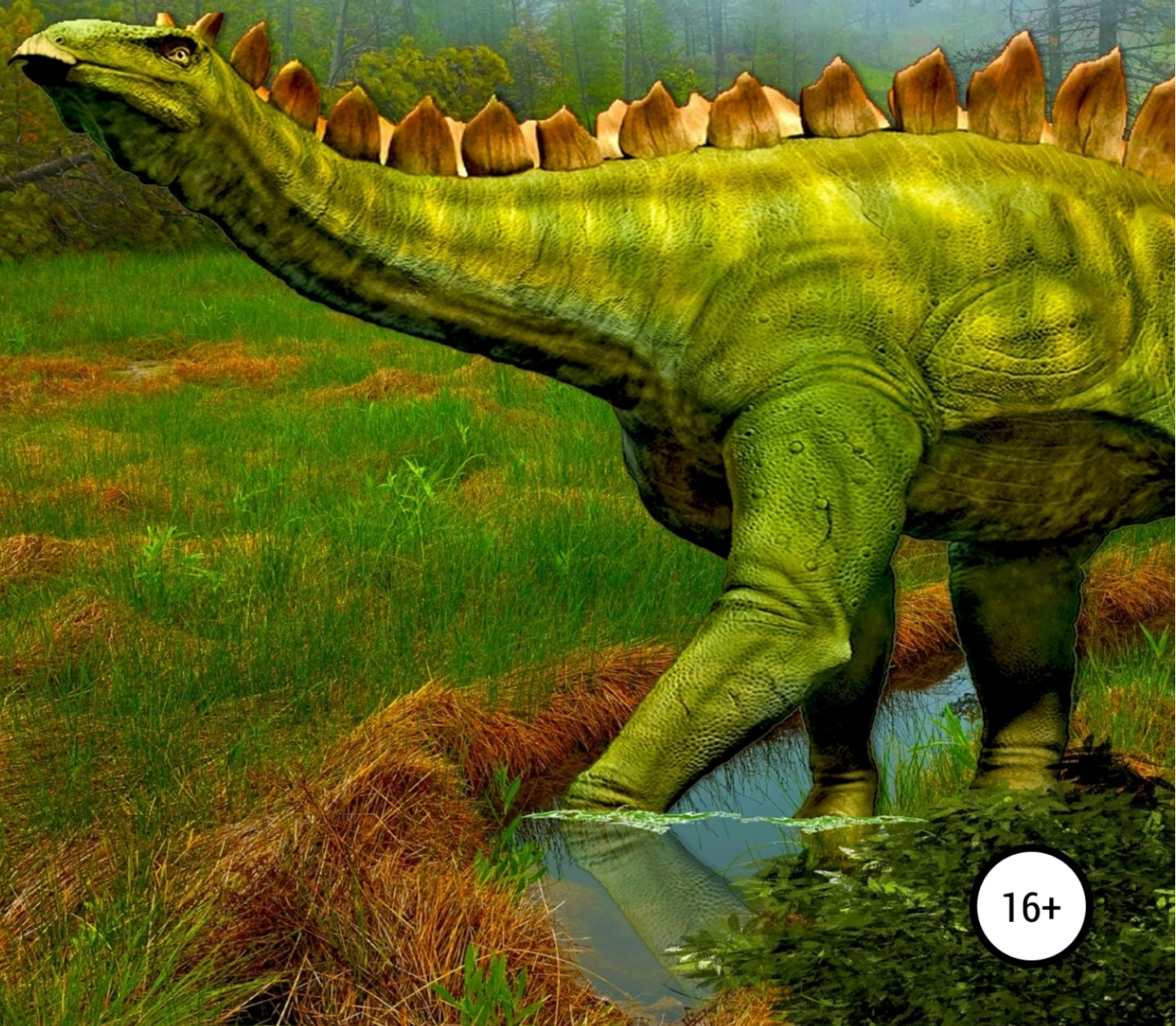

ТАТЬЯНА ЯШИНА

ПАРК ПЕРМСКОГО ПЕРИОДА

16+

Татьяна Яшина

Парк Пермского периода

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Яшина Т. А.

Парк Пермского периода / Т. А. Яшина — «ЛитРес: Самиздат»,
2021

Прошка устал работать на соляном заводе. Но лучше тяжелая работа, чем никакой. А хозяин хочет всех уволить, потому что скважина обмелела. Куда идти? И тут Прошка попадает в прошлое – в эпоху динозавров. Он получает шанс изменить свою жизнь и жизнь друзей. Герои других рассказов тоже хотят многое изменить – но получится не у всех.

© Яшина Т. А., 2021

© ЛитРес: Самиздат, 2021

Содержание

Парк Пермского периода	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Татьяна Яшина

Парк Пермского периода

Парк Пермского периода

Прошка поежился – уши горели так, словно Сидор Матвейч надрал их за невыученный урок. Но Сидор Матвейч, а также церковно-приходская школа, мать и отец, теплый дом на углу Большой Посадской – все осталось в прошлой жизни.

Сначала заболела мать, на ее лечение ушли все деньги. Потом отца поперли со службы, он запил... Залезли в долги, матери становилось все хуже и хуже. В день, когда ее хоронили, отец упал пьяный в сугроб и замерз насмерть. Сироту Прошку судебные приставы быстро вытрянули из родного дома. Соседи поговаривали, что деньги отцу занял Артемий Силыч – большой человек, владелец соляного завода.

Артемий Силыч явился, когда судебные исполнители закончили описывать занавески и вышитые матерью скатерти – по толстому брюху золотая цепка, галоши сверкают, пенсне тоже золотое.

– Ты, малый, хоть и мелкий, а жилистый, – глянули через пенсне водянисто-серые глаза. – Так уж и быть, отработаешь долг на моем сользаводе.

– Доброе дело делаете, Артемий Силыч, – угодливо распластался перед пузаном чиновник в зеленом мундирчике. – Сироте работа – первое дело.

– Верно. Не баклуши бить, а трудиться, – степенно закивали соседи, и Прошка отправился горбом отрабатывать долг – на сользавод Артемия Силыча.

Снаружи глянешь – на берегу привольно раскинувшейся Камы добротные строения из самолучшего мачтового леса, рабочих сотни, в контору то и дело купцы да приказчики наезжают, пролетки лаковые, сапоги со скрипом – весело дела идут!

Какой это ад – Прошка сначала не поверил. Как ввели его в солеварню – думал, тут же дуба и даст. Волосы от жара затрещали, лицо загорелось, ровно ошпаренное – это только в предбанник заглянули. Заплясало пламя по стенам – отворил раскаленную дверцу черномазый истопник, полуголый, блестящий от пота – подмигнул Прошке да отправил в жарко трещащий печной зев целое бревно. Загудело, занялось, зароились искры – да вновь темнота упала – закрыл дверцу истопник.

«Человек али черт?» – мелькнуло в голове у Прошки, да тут Иван-приказчик повлек его за локоть дальше, по всходу, в самое сердце солеварни.

Горький пар забил ему горло так, что кашлял Прошка – чуть легкие наружу не вывернул, чуть не свалился в цырен – огромный противень на манер того, в каком мать шаньги пекла, только раз в сто поболее. И не шаньги на нем сидели, а соль – сначала соляной раствор лился сверху по трубе, шипел, исходя паром на раскаленном цырене, потом вода испарялась, оставляя влажные груды сероватой крупной соли.

Эти груды мешал, взлопачивал, рыхлил солевар дядя Митяй – самоглавный в солеварне человек. Чтобы соль не мокрая была, не горькая, а в самый раз – следил дядя Митяй, то зачерпывая рассол черпаком на длинной ручке, то гоняя рабочих из раза в раз ворошить подсыхающие соляные курганы. Чтоб не пересушить, не оставить лишнюю влагу. Чтоб не слежалась за зиму в камень, чтоб по весне поплыла караваном по Каме, по Волге, по всем городам и весям Российской империи самолучшая соль-пермянка. Ее – крупную, светлую, с красноватым отливом – подавали, говорят, к царскому столу. И за границу продавали, иной раз в соляном караване везли и сто тысяч пудов, и двести, и триста – вереница барж по всей Каме, сколько глаз хватает!

Прошка и еще два десятка работников ворошили подсыхающие соляные груды граблями на саженных ручках – работа ворошильщиков считалась самой простой.

Когда масса просыхала до нужной кондиции, по команде дяди Митяя ссыпщики перекладывали соль на дощатые полаты над цыреном. Там она сохла еще немного. Шибко-шибко орудовали деревянными лопатами ссыпщики, да еще приплясывали – противень жег ноги даже сквозь опорки.

Когда ссыпали соль – можно было передохнуть. Прошка выбегал наружу – глотнуть воздуха, откашляться от горечи, что теснила грудь, попить воды из оловянной кружки, прикованной к бочке у входа, вылив остаток себе на голову. Остальные валились прямо там, чуть поодаль от пышущего жаром цырена. Недолго длилась передышка – едва ссыпщики заканчивали, из трубы под крышей снова лилась соленая вода, зло шипела и исходила едким паром.

Через два часа смены Прошка начинал кашлять, через шесть – то и дело ронял тяжелые грабли, через десять – едва держался на ногах. К счастью, на первое время поставили его на дальний край, чтоб поменьше попадался на глаза главному ссыпщику, мужику дюже сильному и злобному.

Солевар дядя Митяй кроме соли ничего не замечал, по сторонам не смотрел – только в цырен, лишь пару раз за двадцатичасовую смену выбегая на двор и выливая на себя ведро ледяной колодезной воды. Один лишь раз сказал сомлевшему Прошке:

– Я когда ссыпщиком начинал – вообще топили по-черному! А сейчас дым весь наружу уходит, благодать!

После смены Прошка еле добредал до соседнего дома, где Артемий Силыч предоставлял рабочим солому для ночлега и хлеб с кашей для пропитания, – не забывая, конечно, вычитать из жалованья. Кусок не лез в испластанное кашлем горло.

– Доходит парнишка-от, – все чаще слышал он за спиной шепотки. – Истошшал совсем, еле ноги таскат...

Впрочем, всем своего горя хватало – кто так же кашлял кровью, кто спину сорвал, у кого соль ноги съела, у кого – уши...

Мечтал Прошка ослобонить малость свой жребий – хоть бы в толкачи перейти, что ворот толкают, который из скважины раствор подает. Вот уж хорошо – ничего там не печет, не жарит, клубами не пышет – ледяная вода глубоко из-под земли по скважине подымается, аж до третьего этажа рассолоподъемной башни. А потом по наклонной трубе бежит в солеварню, льется прямиком на цырен. Но в толкачи по легкости этой работы брали совсем зеленых парнишков – лет осьми-десяти. А давеча взяли даже девчонку – двенадцатилетнюю Устиньку. Семнадцатилетнему Прошке путь туда был заказан.

В грузчиках, что приладив на спину деревянную полочку, споро сновали от солеварни до огромного амбара на берегу Камы, служили разные люди – на вид и пожиже Прошки. Смотришь – в чем душа держится – однако ж взвалил мужичок на спину пятипудовый мешок – и как муравей побежал! В грузчики нанимались и бабы. Хоть бабья норма на два пуда легче – так и денег ведь меньше. Бегали женщины с мешками, да еще и босы все как одна. Командовала ими тетка Параскева – голосистая баба в шесть пудов весом.

– Бабы выносливые, – объяснила она Прошке. – Иной соль ноги до колен съест, а она и не заметит.

– Дайте-ко я попробую поднять! – попросил Прошка. – Не могу больше в солеварне.

Тетка Параскева помогла Прошке надеть на спину деревянную подставку на лямках – ровно полочка над головой, чтобы тяжесть и на голову, и на спину ложилась, но даже от бабьей нормы Прошка упал на колени, не сделав и трех шагов.

Он пытался подняться, но не мог выбраться из-под мешка, снова и снова скользя по глине. Соль сыпалась на уши, падала за шиворот, разъедала глаза.

Уши горели так, словно учитель Сидор Матвееч надрал их за невыученный урок.

– Эх ты, пермяк – солены уши! – услышал Прошка, и тяжесть со спины чудесным образом пропала. Высокий остроскулый парень протягивал мешок тетке Параскеве:

– Не выйдет из него грузчика.

– Твоя правда, Андрей, – не выйдет, – подтвердила тетка Параскева.

– Ништо! – ухмыльнулся парень. – Подрастет – окрепнет.

Разговоры с Андреем стали единственной радостью Прошки. Выгнанный из университета за «политику», Андрей пошел на сользавод – сначала ворошил соль граблями, потом за твердую руку и глазомер перешел в мешочники – держал распяленный рогожный мешок перед ссыпщиком, следя, чтоб тот не сыпал мимо. Командовал, когда хватит: чтобы не слишком мало – иначе приказчик не засчитает мешок, и не слишком много – чтоб рогожный куль не треснул на полдороге к амбару.

Прошка за месяц рассказал Андрею и про мать, и про отца, и про своего пса Трезора, что подох от укуса гадюки, про учителя в школе – Сидора Матвеевича, что из всех наук более всего любил хоровое пение...

Андрей про себя не рассказывал – зато поведал Прошке удивительные вещи – что земле, оказывается, не пять тысяч лет, а много больше, что раньше жили на ней диковинные звери – на манер гигантских лягушек али ящериц, что хвощи, которыми брезгают коровы, в то стародавнее время вырастали выше церковной колокольни, а над ними светило жаркое-жаркое солнце... И нигде не было зимы.

– Как это, Андрюш, – зимы не было? – полушепотом удивлялся Прошка, поудобнее устраиваясь в соломе перед тем, как заснуть.

– А так, – в темноте глаз Андрея не видно, но Прошка знал – Андрей не станет его обманывать. – И сейчас ведь есть такие страны – в Африке, в Азии...

– Про Африку знаю, – кивал Прошка. – Сидор Матвейч рассказывал – про слонов, про жирафов, про гиппопотамов...

– А ты знаешь, что на том самом месте, где мы сейчас лежим – когда-то было море?

– Море? – Прошка ничего не знает о море. – Это как?

– Это... Как бы тебе объяснить... Вот представь, что из неба выпарили все светлое – оставили только синь. Много-много синего... Теплое, соленое... ласковое... От края до края – только синь...

– Это как рассол, что ли? – хмыкает Прошка. – Тот, из которого мы пермянку делаем?

– А ведь верно, – оживляется Андрей. – Рассол-то этот – древнее море. Было море, потом землетрясения, обрушивались горы, происходили тектонические сдвиги земной коры – и соленые воды оказались погребены под толщей осадочных пород. А сейчас геологи бурят почву и доходят до остатков доисторического моря...

– Надо еще угадать, где скважину делать, – кивает Прошка. – Словно клад найти.

– Да, пожалуй... Это море – сущий клад для людей.

– Для каких людей? – раздается от двери чей-то хриплый голос. – Для Силыча нашего? Ну точно, клад – третий дом уж построил, скоро поперек себя шире станет...

– Тихо, вы! – оживает приказчик Иван из своего угла. – Кому не нравится – на выход!

– Давай спать, Прошка, – говорит Андрей, укрывая его своим пиджаком. – Вставать рано. Прошка послушно закрывает глаза – и видит удивительный сон.

Снится ему – словно он у большого-большого озера – берега не видать, как у Камы в пору весеннего половодья! Только еще ширше.

Солнце греет так ласково, что снимает Прошка пиджачок, остается в одной рубашке. Вокруг – песчаная полоса, за ней – лес. Только какой-то странный – будто обыкновенные хвощи, которые так любила коза Белка, разрослись высотой с колокольню! Волна с шипением напозла на берег. Прошка тронул ее рукой – соленая! Как рассол. И пахнет похоже, только

запах словно разбавлен. Побрел Прошка по берегу и вдруг услышал какой-то звук. Не то писк, не то бульканье с опушки раздается.

Видит – бьется кто-то в кустах, звуки жалобней стали. Заглянул Прошка в кусты без опаски – это ж во сне, не наяву – а это лягушку бревном придавило. Только лягушка – величиной с корову!

«Царевна-лягушка! – осенило Прошку. – А где ж ее корона?»

Но короны не оказалось, а лягушка так жалобно смотрела большими янтарными глазами, что Прошка тут же кинулся ей помогать – поднатужился, поднапружился и поднял тяжеленный комель, придавивший ей заднюю лапу.

Лягушка запрыгала, обрадовалась и давай его головой бодать – мол, пойдем со мной! И поскакала к морю.

Двинулся Прошка за ней. Она в воде остановилась и смотрит – иди скорей. Ну а что, во сне ведь все можно – залез он к лягушке на спину и поплыли они в синее море. Хорошо! Солнце так ласково пригревает, вода теплая к ногам льнет... Плывет Прошка по морю, словно Колумб – вспомнилась школа и рассказы учителя. Так смешно стало Прошке – какой Колумб? Какая школа? В воде диковинные звери обретаются – то как огромная ящерица, то ровно змей, только с лапами, то такие же большие лягухи, что везет Прошку. Он на них дивуется, они – на него.

Привезла его лягушка к громадному черному утесу – ну ровно как за домом Артемия Силыча такая каменюка из земли растет – и подмигивает – слезай, мол, приехали. Там, где у Силыча веранда, тут увидел Прошка незнакомые деревья, а на них плодов желтых – видимо-невидимо! Сорвал – вкусно! Как морошка, только слаще. Набил себе живот так, что еле дышал, а все мало – увидел самый желтый, самый большой плод, потянулся – а тот сорвись и упади куда-то под дерево. Полез Прошка за ним – да что-то не видно, только какая-то раковинка круглая лежит. Схватил раковинку, сжал в руке...

– Вставай, Прошка! – тормошит его Андрей. – Пять утра, на работу пора.

И пока тот расчихивался, протирал глаза и морщился от духоты в бараке и воня, Андрей все искал свой пиджак.

– Куда делся? – вопрошал Андрей, придирчиво разглядывая копошащихся вокруг людей. – Ты ночью не выходил?

– Нет, – сказал Прошка. Вспомнил, как во сне оставил пиджачок на теплом песке, но рассказать об этом побоялся.

Потом тоже побоялся, уж больно злой ходил Андрей – в день зарплаты Артемий Силыч выдал жалованья вполовину меньше.

– Скважина мелеет, – объяснил. – Пока на половинном окладе.

– Кому не нравится – на выход, – хмуро пробасил Иван из-за плеча хозяина.

Прошку это не касалось – жалованья он за полгода работы еще не видел.

Сначала возмещал отцовы долги – через четыре месяца Артемий Силыч важно сказал, что шесть рублей Прошка отработал:

– У меня все честно, бумажка к бумажке! – пыхтел хозяин, открывая ящик стола и вынимая лист гербовой бумаги, на котором Прошка после похорон отца писал под диктовку: «Обязуюсь отдать долг...»

– Благодарствую, Артемий Силыч, – поклонился Прошка, бережно принимая листок.

– Не забудь – еще десять рублей ты мне должен! – заявил тот и показал еще одну Прошкину расписку.

Прошка хотел сказать, что постарается поскорей, но не смог – закашлялся.

Отработать получилось быстрее – всего через два месяца он получил и вторую бумагу. Но вот обносился Прошка к тому времени – хуже нищего! Белье истлело, оброс, как дьякон, хоть косу заплетай, в бане не был...

– Ну держи рубль на баню! – захохотал хозяин, когда Прошка слезливо попросил о займе. – Пар костей не ломит!

Прошка думал, что из-за рубля Артемий Силыч не станет разводить канитель с распиской, но не тут-то было! «Обязуюсь... движимым и недвижимым имуществом...» – выводил Прошка отвыкшей от пера рукой. Хозяин внимательно прочитал, кивнул и спрятал под ключ.

Выходя из бани, Прошка блаженствовал. Хотелось увидеть Андрея, но тот уже два дня не появлялся, сказавшись больным.

Андрей вернулся на завтра, похудевший и злой.

– В воскресенье у нашего Силыча в гостях будет начальник жандармского управления, – тихо сказал он Прошке в минутку перерыва между партиями соли на цырене. Высохшую сгруппировали в мешки, а новый рассол лился чуть не по капле – скважина на глазах пустела.

– И что? Что, Андрей? – прошептал Прошка, уже чуя неладное.

– А то. Подорву его к чертовой матери! – сплюнул Андрей под ноги помертвевшему Прошке.

– Как... подорвешь? – прошептал Прошка. – Чем?

– Чем-чем. Бомбой! – оскалился Андрей. – И так его земля лишний год носит, уже черти на том свете заждались. Лишь бы через оцепление прорваться.

– Какое оцепление?

– Жандармское, – сквозь зубы пояснил Андрей. – Жандармы своего охраняют. Боятся, что с ним, как с Богданвичем, что-нибудь случится.

– А... за что ты его? – прошептал Прошка.

– За что? – хмыкнул Андрей. – За Ленский расстрел – слышал о таком? На Ленских золотых приисках рабочие жалованья не получили – их расстреляли из винтовок, триста человек на тот свет отправили. У меня там два друга погибли. А тот, кто команду «огонь» отдал – сейчас у нас начальник жандармерии. Думаешь, когда Силыч сользавод закроет – что-то другое будет? Скважине конец, людей на улицу.

– Дальняя скважина еще работает, – возразил Прошка. Не нравился ему этот разговор.

– Рабочим на Дальней жалованье на три четверти срежут, – тихо сказал Андрей. Потому что «Не нравится – иди»...

– «На выход», – продолжил Прошка.

Сильно напугал его этот разговор. И когда Андрея перед первым мая арестовали – Прошка даже обрадовался. Но Андрей, когда здоровенный жандарм в белом мундире крутил ему руки, так и впился в Прошку взглядом, словно кнутом обжег! Будто понукаемый невидимой рукой, в ночь накануне первого мая Прошка покинул душный барак, пробрался на берег Камы и достал из тайника бомбу...

В кусты Прошка залег с раннего утра – в зябкой темноте крадучись перелез через высокий забор, где жил Артемий Силыч. Выбрал сирень погуще, и чтобы веранда была как на ладони.

Бомба неприятно оттягивала карман.

«Этой штукой можно весь утес взорвать, – вспомнились слова Андрея. – Ничего страшного, за меня не бойся. Подожгу запальную трубку, время до взрыва – девять секунд. Это очень много. Досчитаю до трех, брошу в дом – и деру!»

И спички в том же кармане. Засовывая их туда, Прошка нащупал что-то еще, но не стал вынимать и разглядывать – не до того было.

В полдень действительно объявились жандармы – оцепили дом, даже на берегу Камы выстроилась цепочка в белых мундирах – словно бомбист ползет из воды!

Так и стояли навтыжку до шести вечера, когда, окруженная конвоем, появилась коляска с начальником жандармского управления – полковником Белецким. Закачалась на рессорах, пока к ней, колыхая брюхом, спешил Артемий Силыч, раскрывая объятия:

– Милости просим!

Потом был долгий ужин. Прошка наблюдал за сменой кулебяк, стерляжьей ухи, пирогов с вязигой и жареных поросят, чувствуя, как стенки желудка скрипят и трутся друг о друга. Вот если б Андрей сказал кинуть сейчас – улучил бы момент, когда лакеи выйдут из столовой, и кинул, и рука б не дрогнула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.